

Татьяна Ретивова

Вместо «я тебя люблю» пиши «расцвела сирень»

В январе 1978 года я приехала в Ленинград из Вашингтона, где я жила, на стажировку в ЛГУ по американской программе обмена студентов. Мне было 23 года. Это была моя первая поездка на историческую родину. Вся моя родня по материнской линии из Питера, а по отцовской линии — бабушка. Готовили меня к поездке в Питер знакомые родителей, питерские эмигранты и диссиденты, в первую очередь Константин Константинович Кузьминский (ККК), в какой-то мере Михаил Шемякин, Василий Бетаки, а также не питерский Александр Глазер; с последним я встретилась в Мёдоне под Парижем перед самой поездкой в Питер. От них я получила загадочные телефонные номера и адреса их близких в Северной Пальмире, которые до сих пор сохранились в одной моей обветшавшей записной книжке: «Петербург! У меня ещё есть адреса, / По которым найду мертвцев голоса». Увы.

Но именно благодаря ККК и его антологии русской поэзии «У Голубой лагуны» я смогла временно попасть в современный мир поэзии Питера конца 1970-х и лично познакомиться с разными питерскими поэтами, наиболее интересными из которых были Александр Миронов, Петр Чайгин, Виктор Кризулин, Татьяна Горичева, Елена Шварц, Олег Охапкин, Игорь Бурихин, Виктор Ширали и Борис Куприянов. До моей поездки я год переписывалась с ККК, получив от него огромную папку копий стихов из его антологии, и переводила некоторых из этих поэтов на английский. Хотя Александр Миронов тогда не входил в круг ККК, и вообще ККК к нему относился неоднозначно, тем не менее «Голубая лагуна» оказалась предпосылкой и к нашей с ним встрече. В той папке были и стихи А. Миронова.

Как написал ККК в «Голубой лагуне», вся питерская поэзия делится на «эрлезианцев» и «бродскианцев»¹; к сожалению, я тогда еще не познакомилась с Владимиром Эрлем, праотцом «Хеленуктов», и только много лет спустя поняла суть этого разделения. А тогда я не понимала, что это было такое, почему все были так настроены против Бродского; оказалось, что я много общалась с эрлезианцами. В конце 1970-х все еще спорили о том, почему Бродский уехал, а много лет спустя, вернувшись в Питер в гости, когда город ужебросил с себя ленинградскую маску, я обнаружила, что многие спорили о том, почему Бродский не вернулся.

В Вашингтоне мои родители работали на радиостанции «Голос Америки», а мой отец был одним из представителей тогда еще антисоветского журнала «Посев». Мне надо было обо всем этом молчать, так как с эмигрантским прошлым моей семьи (белогвардейцы, перебежчики, РОА, НТС) меня чудом включили в эту группу американских студентов, и только потому, что один профессор славистики настоял на этом. Отношения с питерскими родствен-

1 См.: Антология новейшей русской поэзии «У Голубой лагуны»: В 5 т. / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. Newtonville, Mass., 1983. Т. 4A. С. 198. Цитируется в статье: Николаев Н.И. Воспоминания о поэзии Александра Миронова // Новое литературное обозрение. 2010. № 101. С. 269.

никами были никакие, я даже не знала, что мамин брат с семьей давно переехал, и только в самом конце своего пребывания в Ленинграде я на них вышла. Время было непростое, это уже была не оттепель, а продолжение холодной войны и преддверие ввода советских войск в Афганистан.

В те времена наши знакомые писатели, поэты, художники, уехавшие на Запад, поддерживали связи со своими близкими и, общаясь с «голосами», передавали им информацию о том, что происходило. Например, по поводу Юлии Вознесенской ККК написал моей маме в январе 1977 года: «...главное — это материал по Юлии. Если будете что передавать — пользуйтесь моими данными. Пока прилагаю копию письма Джексону и Мандейлу... у Юлии был уже вызов, приглашали в ОВИР — и вот... А она — замечательная и смелая баба! Ленинградская Наташа Горбаневская. ...проза <ее> — мне такую не написать! Это будет что-то особое! Но пока о prose — молчи. А то добавят». Я привожу эту цитату из его письма, чтобы попытаться передать дух того времени, причем еще до интернета! Поэтов, писателей, художников сажали, и в мгновение ока информация передавалась «голосам» так называемой голубиной почтой! Люди находили способы передавать важную информацию через разных проверенных людей, это было в порядке вещей. Про голубиную почту еще чуть позже.

О первой встрече с моими родителями ККК написал в предисловии к моему первому сборнику стихов: «год 1976-ой, первый в Америке (одно из самых ярких новых впечатлений) письмо читано общато дружено было и потом их русский до щемящей ностальгии дом будто и не сваливал я никуда за кордон из родного питера...». И с этого момента началась наша семейная дружба и сотрудничество с ККК, одним из самых важных питерских литераторов, сделавшим очень много для современной русской и особенно питерской поэзии XX века. Вот такие тогда были невероятные мосты, и была обратная связь, именно через «голоса». Сейчас, когда любая информация легко доступна, мы наверно недооцениваем силу молвы, или живого, не виртуального общения. Тогда еще и междугородние звонки, и зарубежные набирались только через оператора, это была целая эпопея.

Январский город Ленинград нашу группу встретил сурово и мрачно, такое ощущение было, как будто жизнь там протекает в режиме черно-белого кино. Нас поселили в общежитии № 1, возле моста Лейтенанта Шмидта, мимо которого проходил трамвай, на котором я ездила в центр на разные личные встречи; до сих пор вспоминаю звук этих рельсов под нашим окном на третьем этаже. Наверное, моя первая поэтическая встреча была с Виктором Кривулиным на Большом проспекте Петроградской стороны; там я познакомилась с историком и правозащитником Вячеславом Долининым, который проводил у себя дома закрытый кружок. Каким-то образом я умудрилась привезти с собой из Америки много всякой запрещенной литературы: «Зияющие высоты» Зиновьева, двухтомник эмигрантского издания Мандельштама, Солженицына, Пастернака, «1984» Оруэлла, кажется, и «Мы» Замятина, книги Цветаевой и Ахматовой. Стукакки, с которыми нас — американских студенток — поселили, периодически проверяли все, что было у нас в чемоданах. Постепенно я вывозила эти книги разным новым друзьям, в том числе Кривулину и Долинину. Именно Долинину досталась книга «Зияющие высоты», которая роковым образом повлияла не только на его судьбу, но и на многие другие судьбы.

Главным проводником на месте в питерский мир поэтов был один из особенно близких кругу ККК — Петр Чейгин. С Петей мы ходили в гости к матери

ККК, к переводчице Элле Липпе, к художникам Герте Неменовой, Наташе Жилиной, ее сыну, будущему «Митьку», и ее мужу фотографу Борису Смелову, Юре Кокоянину и к искусствоведу Юрию Новикову. С Александром Мироновым мы познакомились у Эллы Липпы, кажется, на Масленицу, в конце февраля 1978 года. Позже я ему напишу: «Ты очень красиво молчишь! В тот странный вечер, когда мы впервые заговорили, я заметила, как ты умеешь красиво молчать, ты почти ни одного слова не сказал в течение всего вечера».

К тому времени, когда мы с Сашей познакомились, я уже успела изрядно потрепать нервы американскому консулу в Ленинграде, так как ему доложили, что мы подали в ЗАГС заявление на бракосочетание с художником Юрием Кокояниным. Я уже не помню, как это все произошло, но Юре и его настоящей жене, пианистке Люде, срочно надо было уезжать из СССР, и я согласилась на этот фиктивный брак. Это обещание потом висело как дамоклов меч над моим романом с Сашей Мироновым, что и отражено в нашей с ним переписке. Так как мне приходилось скрывать фиктивность будущего брака с Юрай, от которого я не могла отказаться, поскольку решила, что грех будет не сдержать своего обещания, я для цензоров или разведки придумывала разные имена и использовала разные приемы мистификации и заметания за собой следов. Вернулась в США я, кажется, в начале мая, тогда и началась наша переписка с Мироновым.

«Пишу тебе четвертое письмо. В нем я подробно пишу о моем любимом, его зовут Валентин. Я и в третьем письме немножко о нем пишу. Но по правде говоря, его зовут не Валентин, а Юра, но мне не очень нравится имя Юра, так что в переписке я его буду называть Валентином. Я думаю, что я правильно делаю, что о нем пишу тебе, и ты мне пиши о Моне. Мне именно нравится имя Валентин, потому что оно какое-то нейтральное, если ты не получил мое первое письмо (как мне надоело повторять эти слова! я так хочу знать: получил ли ты его или нет?), то я тебе опять объясняю про Валентина. Валентин — это тот человек, который порвал рубашку во время драки, и это тот человек, у которого два лишних соска, маленьких.»

Таким образом я давала знать Саше, что хотя я пишу о любимом в третьем лице, я как бы пишу о своих чувствах к нему. Себя я называла то Моной, то Молли Блум, то Лизой, то Пенелопой, потому что шифровалась и писала с разных адресов и на разные адреса.

«...Вчера, когда я ночевала у друзей, я не могла заснуть, и на меня напало невероятное ощущение нежности к моему любимому. Во-первых, мне надо его переименовать, его имя Юра мне совсем не нравится. Валентин тоже не то, мне кажется, что придется выбрать какое-то мифологическое имя... Сейчас подумаем, Валентин, ВалеЮра, Валерян. <...> Пришло в голову новое название или имя для моего милого, любимого, Улисс! Ведь он же вечно ищет свою Пенелопу.»

«Ты говоришь, т.е. пишешь, что начал каркать, как ворона, у меня тоже такое бывает, как раз почти год тому назад, напрягаются голосовые связки, как натянутые струны. Каркай, каркай, милый мой, еще нам не меньше полгодика придется каркать! ...иногда рассказываю подругам про тебя, про наши первые встречи, теперь ты наверно ощущаешь силу памяти, вот почему я хотела быть трезвой в наши последние дни, чтобы все это осталось наиболее ясным (прекрасным). Ой, у меня столько «футуристического идеализма»... Меня иногда пугает, что мы влюблены в наши (тристан/изольдовские) обстоятельства, а не в друг друга, так мой разум говорит, а сердце понимает все иначе...»

Ну и далее я Сашу превратила на время в Улисса, пока мы друг другу были физически недоступны. «Я только закончила читать “Бесы”, в этой книге настолько все ясное и очевидное, что о ней невозможно говорить. Мне всегда нравилась Мария Тимофеевна. Я тебе, кажется, уже написала про моего любимого Улисса; тебя наверно удивляет, что я так часто меню имя своего любимого. В самом деле, Юра, потом Валентин, а теперь Улисс. Но мне как-то всегда неловко с именами. Некоторые имена совсем не соответствуют людям, которые их носят.»

Со своей стороны в переписке я чаще всего негодовала по поводу того, как быть, что делать и как мы будем жить, ну и рассказывала немножко о себе, с кем встречалась, и расспрашивала о нем: «Я встретилась с Сюзанной Масси, но она какая-то странная, она не очень приветливая. Напиши мне про твоих друзей и, пожалуйста, ответь мне на какие-нибудь вопросы, я даже не помню какие, но знаю, что в каждом письме я тебя про что-то расспрашиваю».

Писала ему о том, что читала: «Только что прочла прекрасную книгу, “Петербургские зимы” Георгия Иванова, я уверена, что ты ее читал, такая книга не может пройти нечитанной “петербуржскими” жителями».

Или: «Я сейчас читаю “Аду” Набокова, Боже, какая прелесть, у меня такое ощущение, что он писал именно для таких как я, без корней, в раздвоенном мире, даже растроенным, он вставляет в свою <английскую> речь французские и русские слова, и так это у него прекрасно получается».

Летом, в середине июля, написала: «Я сейчас живу с бабушкой <Новеллой Евгеньевной Чириковой-Ретивовой. — Т.Р.>, она все время хандрит и все преувеличивает. Она всегда была очень капризной. В свое время бабушка была петербургской артисткой, она была очень красивой, в нее всякие дядьки были влюблены. Ее портрет писал Билибин, он был влюблена в нее, она и ее сестра переписывались с Цветаевой... Бабушка и прабабушка принимали роды у Цветаевой при рождении Мура... И еще: бабушкины любимые поэты Анненский и Мандельштам, между прочим, когда она жила в одном питерском доме артистов, то О.М. жил в доме напротив, и однажды они были в одной столовой вместе, и она отдала ему свой паек». Ну и тут стоит отметить, что в бабушку был влюблен и сам Набоков, он часто ездил к Чириковым на дачу, во Вшенорах. И уже после Второй мировой она даже написала повесть, в ответ на его «Машеньку», которая скоро тоже выйдет в свет.

Не знаю, часто или нет, но, возможно, в наших с Сашей письмах встречаются слова: «сирень цветет». Это тоже были зашифрованные слова, я ему писала: «Вместо “я тебя люблю” пиши “расцвела сирень”», «Здесь жарко, и сирень тоже у нас цветет». Или просто: «Сирень цветет!». И еще, чтобы внести ясность: Саша часто пишет о моем коте, которого звали Пузо (сокращение Карапуз), и также упоминает запах моих духов, которые я ему оставила, «Amber Gris». Образ Богородицы для нас обоих был очень важен и сакрален, о чем он часто пишет. В память о себе я Саше оставила один из двух моих лурдовских медальонов («Твой образок почернел от моих грехов...») и греческие четки из оливкового дерева. А Саша подарил мне голубые плетеные четки, они у меня до сих пор есть.

Ну и возвращаясь к голубиной почте: иногда мы отправляли письма друг другу обычной авиапочтой, иногда заказной, иногда с оказией через посередников, друзей, ехавших в СССР и обратно, а также каким-то образом через консульство, это и была голубиная почта, которая миновала цензуру, и в ней

много было посвободнее писать, без особой мистификации: «Сейчас уже недавно послала в консульство письмо. В заказных пиши меньше о Богородице и о голубях, так как вдруг начнут читать и голубиные письма! Но ты бы их тогда не получил!».

Каждое письмо, таким образом, писалось в зависимости от того, как оно будет отправлено. Голубиной почтой писалось вот такое: «Для счастья мне только нужны: Ты, огород, словарь Даля, церковь, удобный пол и какая-нибудь работа». (Пол, потому что часто приходилось спать на полу.) Или такое, чисто информативное, но не для цензуры: «Передай Вите Кривулину, что Костя в каком-то журнале опубликовал переводы стихов Вити, Бори, и Пети, и Ширили, и что там тоже находятся фотографии Пти Бори²». Ну а заказным писалось что-то такое: «Посылаю это письмо самой быстрой почтой, во-первых, для того, чтоб тебя поздравить с именинами и с пр., но не уверена, когда именно твои именины?».

Далее, наверное уже к концу лета, начали происходить странные дела, подробности которых я уже, честно говоря, плохо помню. То ли кого-то посадили, то ли кто-то загремел в психушку, а возможно и то и другое. Но я начала превращаться в «бедную Лизу», возможно потому, что один из адресов, с которого я писала, был от имени моей подруги Лизы. А голубиные письма в голубые превратились. Видимо, под влиянием чтения набоковской «Ады» у меня возникает синестезия, и разным видам почты я придаю цветовые значения. Тут и желтизна почты обсуждается, скорее всего это заказное-казенное письмо, с намеком на желтый дом.

«Расскажу тебе теперь о моей подружке, “бедной Лизе”, которая тебя так заинтересовала. Впрочем, если тебе кажется, что она красивая, это иллюзия, иллюзия любви... Так вот, “бедная Лиза” унывает. <...> Лиза ждет результатов, всяких поисков, вопросов, допросов и т.д. Скоро ты получишь голубое письмо, полное девичьей страсти (это письмо, пишущееся сейчас, полужелтое). Сплошное мракобесие везде. Она мне обещала дать знать, когда что-нибудь сбудется. Я жду ответов от всяких мне чуждых лиц. На меня напало состояние, которое я назову “сережинщиной”. Сейчас объясню... Твой рассказ о казенном доме, с Сережей, помнишь? Возврат к казенному дому, который вдруг предложил Сережа, потому что решил надеяться на (невозможную) гуманность бюрократа. Мне вдруг показалось, что я в безвыходном положении, и дура я, позвонила в наш отдел вроде такого же казенного дома, рассказала всякие глупости, слава Богу имени не оставила и не пошла. Так же, как глупая Лиза (из Колумбии) поверила испанскому фашисту в том, что... но это длинная история. Хватит о Лизе и о том, что фашисты люди. Мильй! Я в восторге! Читаю “Историю Руси” Ключевского. Как он пре-прекрасно пишет! Прямо сердце замирает от такой ясности».

И тут, где-то уже после моего дня рождения, в сентябре, проходит водораздел в наших отношениях, в нашей переписке: «Читаю “Братья Карамазовы”: “он совершенно веровал в чудеса, но, по-моему, чудеса реалиста никогда не смутят. Не чудеса склоняют реалиста к вере. В реальности вера не от чуда рождается, а чудо от веры”. Да-с, произошло самое настоящее чудо, именно из-за веры».

2 Пти-Борис и Гран-Борис — прозвища, придуманные Константином Кузьминским для Бориса Смелова и Бориса Кудрякова. — Примеч. ред.

А произошло нечто совершенно непредвиденное: вдруг Юра Кокоянин и его жена Люда получают вызов в Израиль и готовятся уехать по еврейской визе, не будучи евреями, но не важно. Угроза дамоклова меча отпадает, и возникают совершенно новые условия. Узнаю я об этом первая и сообщаю Саше, который уже в нашей переписке превратился в Эквиштадора [sic] Нарцисса, а я в Эхо («Эхо с Нарциссом вовек не слиться. / В зеркале время плывет, дробится...»³).

«Представь себе удивительное разрешение модерной темы Тристана “унд” Изольды. Сейчас расскажу подробности. Одна моя подруга, не Мона, а похоже, скажем, Маша, Машенька... пока не забуду, да, ты прав по поводу псевдодворянского тона этого романа Набокова, но все-таки несмотря на всех этих пошликов в гостинице, сам герой очень трагичен, даже если балован. Ты читал “Слабое сердце” Достоевского? Там герой тоже не сдался своей сентиментальности... также сбегает от любви...

Теперь продолжу свой рассказ о Машеньке, т.е. давай-ка не о Машеньке, а скажем о Лизочке. Моя подружка Лиза живет где-то в Южной Америке, она недавно, 5 мес. тому назад... влюбилась в одного красавца испанца. Ее родители сами были испанцами, но она говорит на ином диалекте, чем он, ее испанец, Equistador Narcissus, так мы его назовем, т.е. не то, что иной диалект, а так, она живет в одном мире, а он в другом... Ну и влюбляются... и разговоры какие-то странные у них, о том, что ничего не помнят и не понимают. Он из Испании никак не может уехать, а ей трудно вернуться, потому что жених враг Испании. Так вот, уезжает наша Лиза домой, в Колумбию, а Эквиштадор Нарцисс в своей красе и в безумии развратничает с “полуночниками”. Серебро чернеет. Наша бедная Лиза худеет... но брак приближается, и что делать? Вдруг появляется на горизонте бледная красавица Грета, голубоглазая блондинка <жена Юры, Люда Кокоянина. — Т.Р.>, она брачный танец станцевала с женихом Лизы, и все, Лиза освобождена... Самое смешное — это то, что Эквиштадор Нарцисс про все это узнал через нее, а не через знакомых, кот. про это уже давно знали!.. Раз чудо, то верь, верь, верь! ...Далее Лиза описывает сцену, которая предсказывает будущее. Пьет испанскую “водку” в Вечном Саду Чудес <Сад Невозможной Встречи? — Т.Р.> с Экв. Нар. и его 2 друзьями, Конквиштадор Отелло, которого покинула жена, и Кон. Постник, этот последний произнес роковые слова: “К Нарциссу пришла жена, а от Отелло ушла (жена)”.»

Ну и таким образом я сообщаю Саше, что ситуация с Кокояниным изменилась, и пропала необходимость моего фиктивного брака с ним. Затем я ему сообщаю, что поступаю в аспирантуру в январе 1979 года и, возможно, приеду в гости во время весенних каникул:

«Ах, Лизочка мне только что позвонила из Колумбии, в слезах, говорит, не может без него год жить, решила войти в долг и постараться к нему привезти весной, на “vacation” или “vacances d’etudes”, она поступает в аспирантуру в январе. У них двухнедельный перерыв, кажется, в марте. Ах, бедная Эхочка! Надеюсь, что Эквиштадор Нарцисс не сглазит и все-таки посмотрит ей в глаза, и услышит ее голос (глас). Глас вечной любви. Глаз-голос-глаз!»

³ Из стихотворения А. Миронова «Осень андрогина» (1978). — Примеч. ред.

⁴ Отсылка к «Осени андрогина»: «Впрочем, идти нам с тобой недолго / Там, где сливаются Рейн и Волга, / Звери — цветы, деревья — свечи: / Сад Невозможной Встречи». — Примеч. ред.

И заканчивается сохранившаяся переписка с моей стороны вот этими словами: «Если не верить в Бога, то все эти слова ложь! Все эти слова и объяснения бессмысленны. Человек вечно одинок, и все время старается соединиться с миром, Богом через любимого, но из-за какой-то неуклюжей привычки это ему очень трудно удается. Привычка — грех. Грех — самоунижение. Самоунижение — унижение всего, включая Создателя. Только бы не сглазить! Черный глаз прочь от нас! Надеюсь, что ты увлекся моим рассказом. Сердечно обнимаю, твоя Таня».

И нить обрывается. Осталась лишь «сыпь сирени», что ли? Улисс вернулся в отчизну свою, а я оказалась вовсе не Пенелопой, а Цирцеей, и на остров мой он так и не попал, но вот с помощью Сашиной настоящей Пенелопы, его вдовы, Галины Львовны, часть нити восстановилась. Внезапно в мой, наверное, последний приезд в Питер в 2013 году добрая Галина мне передала все мои письма Саше. Я даже не представляла себе, сохранились они или нет. Если бы не она, то я вряд ли бы написала это предисловие и вспомнила так живо те времена. Ну, и если бы не я, то вряд ли бы возникла эта переписка. Бог нас всех простит. Дай Бог.

Киев

Прощеное воскресенье, 2017 г.